

Ирина Зайцева

Лингвист, литературовед. Доктор филологических наук. Окончила Луганский государственный педагогический университет. Автор более 200 научных публикаций. Профессор Витебского государственного университета им. П. М. Машерова и Луганской государственной академии культуры и искусств им. М. Матусовского. Член редколлегии литературно-художественного альманаха «Крылья».

«ФРОНТОВАЯ» ПОЭЗИЯ ЮННЫ МОРИЦ

*Фронт моих работ —
в том, что я стою лицом
к лицу супротив всего,
что творят эти русофобские...*

Юнна Мориц

Юнну Петровну Мориц (родилась в 1937 году) нередко называют — и думается, абсолютно справедливо — ныне здравствующим поэтом-классиком. «Пожалуй, это последний из значимых поэтов России двадцатого столетия, продолжающий творить и сегодня. И всегда — наперекор всем», — такими словами начинает Виктор Бондаренко статью под названием «Поэт большого стиля» о творчестве Юнны Мориц. И далее: «Вот уж кто не согласится с представлением, господствующим на Западе, что **поэзия — это некая игра для ума или развлечения**, что поэт — некий специалист, овладевший некой профессией. Нет, **поэзия способна переименовать, переделать, возвысить мир**» (выделено мною. — И. З.) [4]. Именно такой — действенной — поэзией видит и своё творчество, и поэтическое творчество в принципе Юнна Мориц, которая иронично именует себя «поэткой». Её стихи отличаются не только необходимой для истинно талантливой поэзии глубиной, мастерски воплощаемой в слове, но и широким диапазоном *жанрово-стилистических* форм: от стихотворений для детей, часть из которых, будучи положенными на музыку, стали популярными песнями («Большой секрет для маленькой

компаний», «Резиновый ёжик» и др.), до глубоко философичной медитативной лирики — размышлений о различных чувствах, состояниях, поступках человека и смысле человеческого бытия, при этом особо — о назначении и сути поэтического творчества и творчества в принципе («Когда мы были молодыми...», «Не вспоминай меня. И не забудь...», «Моцарт», «Великих нынче — словно блох в ночлежке...» и мн. др.).

Надо сказать, что нынешняя действительность «предлагает» представителям словесно-художественного творчества, да и всем думающим личностям, весьма широкую палитру тем, прежде всего нуждающихся именно в *философском* осмыслении; среди них и тема *сути позиции* поэта, писателя и любого из нас, которую чаще всего обозначают как **гражданская**. На эту тему часто рассуждают лирические герои произведений Юнны Мориц, которыми проблема гражданственности — и отдельного человека, и общества в целом — воспринимается как ключевая для человеческого бытия в социуме. В статье к юбилею поэтессы, отмечавшемуся два года назад, Юлия Великанова так определяет основную тематику произведений Юнны Мориц последних лет: «В последние годы Юнна Мориц пишет стихи о том, что волнует тех, кто не равнодушен к судьбе России, кто не согласен с идеологией либерализма, кто не считает искусством кощунственные перфомансы, кто не принадлежит к т. н. «сливкам общества». **Юнна Мориц — настоящий духовный авторитет для людей совестливых**, верующих в Бога, **любящих родину**» (выделено мною. — И. З.) [4].

Одним из очевидно позорных, но, к сожалению, получивших сегодня довольно широкое распространение явлений, которому противостоит всё творчество Юнны Мориц — является **русофобия (русофобство)**, или, по выражению поэтессы — что звучит, с нашей точки зрения, куда более жёстко, но и более верно — **русофобщина**. Весьма печально констатировать, что именно в наши дни это явление существенно актуализировалось в социуме — в особенности в западном мире, где выявилось множество «друзей» России, люто и давно её ненавидящих.

Актуализацию данного понятия подтверждают и лексикографические источники. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, зафиксировавший нормы русского литературного языка первой половины XX столетия (интересующий нас в данном случае том этого

четырёхтомного словаря — третий — выпущен в 1939 году), не содержит понятия **русофобия**, однако, помимо практически полного синонима — **русофобство**, — включает ещё два лексических элемента, входящих в соответствующее словообразовательное гнездо: **русофоб** и **русофобский**:

«РУССОФОБ ... (книжн., истор.). Противник политики сближения с Россией; человек, ненавидящий русских, русское; *противоп.* руссофил. ...

РУССОФОВСКИЙ ... (книжн., истор.). *Прил.* к руссофоб.

РУССОФОВСТВО ... (книжн., истор.). Образ мыслей и действий руссофоба» [11, стб. 1408–1409].

Как можно убедиться, написание приведённых лексических единиц не во всём совпадает с современным: все из этих лексем словарь фиксирует с написанием **-сс-** (в отличие от современного **-с-**). Однако куда более важным видится то, что все помещённые в данный словарь лексические единицы с корнями **рус-** и **фоб-** (сложные слова одного словообразовательного гнезда, образованные различными способами) трактуются в нём как входящие в *пассивный* запас языка (об этом свидетельствует помета *историческое*, которой снабжено описание значений всех приведённых слов) и *стилистически ограниченное* функционированием в *книжной* сфере (о чём свидетельствует помета *книжное*, также сопровождающая толкование всех перечисленных лексических единиц).

К сожалению, уже в середине прошлого века все перечисленные лексические единицы перестали восприниматься и как входящие в *пассивный* запас, и как *стилистически ограниченные* книжной сферой употребления, что свидетельствует в том числе и о явно *повысившейся частотности* их употребления. Так, «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (известный как Большой академический словарь — БАС; соответствующий том — двенадцатый — вышел в свет в 1961 году) трактует группу интересующих нас слов следующим образом:

«Русофоб ... Человек, ненавидящий русских и русское (*противопол.* руссофил). *При этом царе Вильгельм II, бывший тогда еще принцем, держал себя как завзятый руссофил.. С того времени прошло почти тридцать лет. Из «русофила» вышел яростный русофоб.* Серг.-Ценск. Пушки выдвигают, VI, 6.

– С иным (*устар.*) напис.: р у с с о ф о б . — Ушак. Толк. слов. 1939»;

«Русофобский» ... Относящийся к русофобу и русофобству.
Русофобская политика.

— С иным (*устар.*) напис.: *русофобский*. — Ушак. Толк. слов. 1939»;

«Русофобство» ... Образ мыслей и действий русофоба.

— С иным (*устар.*) напис.: *русофобство*. — Ушак. Толк. слов. 1939» [10, стб. 1581].

Как можно убедиться, всего за два десятилетия все перечисленные лексемы, не изменив своих значений, трансформировали при этом свои иные характеристики: из пассивного языкового запаса они переместились в его *активную* часть (помета *историческое*, которой снабжено толкование значений всех лексем в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, как и любая другая помета, свидетельствующая об отнесённости слова к пассивному запасу, в БАС отсутствует); точно так же все рассматриваемые слова утратили стилистическую ограниченность, переместившись в состав *общеупотребительной* лексики (об этом свидетельствует отсутствие в БАС пометы *книжное*, сопровождающей толкование всех интересующих нас слов в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, как и любой другой, указывающей на стилистическую ограниченность слова).

Аналогичную картину — в плане лексикографического осмысления данных лексических единиц — наблюдаем и в самом авторитетном на сегодня и обширном по охвату вмещённого материала толковом словаре: «Большом академическом словаре русского языка», издание которого в настоящее время ещё продолжается (данный словарь известен так же как БАС-3 — Большой академический словарь третьего издания). Том с интересующими нас словами (двадцать четвёртый по счёту) выпущен в 2017 году, т. е. более чем через полвека после выхода соответствующего тома БАС; в нём словарные статьи, посвящённые интересующим нас словам, практически полностью дублируют информацию БАС — лишь описание номинации русофоб дополнено в части иллюстративного материала:

«РУСОФОБ» ... Человек, ненавидящий русских и русское (противоп. русофил). *При этом царе Вильгельме II, бывший тогда ещё принцем, держал себя как завзятый русофил.. С того времени прошло почти тридцать лет из «русофила» вышел яростный русофоб.* Серг.-Ценск. Пушки выдвигают. *Я не могу сказать, что он [Гроссман] русофоб, но только большинство русских у него какие-то недоумки.* С. Есин, Мар-

бург. — Дипломат граф Семён Романович Воронцов десятилетиями жил на Гарлей-стрит, вышел в отставку, но с берегами Темзы не расстался и завещал предать свой прах земле Альбиона. И никто, уверяю вас, никто не клеймил его ни «русофобом», ни «плохим русским». Ю. Давыдов, Жемчужины Филда» [2, с. 114].

Словарные статьи «Русофобский» и «Русофобство» в БАС-3 полностью соответствуют аналогичным фрагментам БАС.

Таким образом, процитированный словарь включает в систему современного русского языка номинацию, обозначающую 'лицо, которое ненавидит всё русское и русских' — **русофоб**; а также два производных от неё: абстрактное имя существительное **русофобство**, обозначающее 'образ мыслей и действий русофоба', и имя прилагательное **русофобский**, имеющее значение 'относящийся к русофобу и русофобству'.

Освоение русским языком различных вербальных обозначений, связанных с ненавистью ко всему русскому — русофобством — продолжается, что, к сожалению, свидетельствует о его всё большем распространении в обществе. В «Новом толково-образовательном словаре» Т.Ф. Ефремовой, помимо уже приведённых, зафиксированы также слова **русофобия** ('неприятное отношение ко всему русскому, к самим русским как к чуждому и опасному для представителей иной нации') и **русофобствовать** ('быть русофобом, проявлять русофобство') [5], — что свидетельствует о продолжающемся расширении словообразовательного гнезда рассматриваемого понятия в русском языке.

Именно всем проявлениям ненависти к русским, в какую форму они бы ни были облечены, талантливо, но при этом с «железной» стойкостью, противостоит поэтическое творчество Юнны Мориц — недаром она называет его фронтом: «... фронт работ моих заключается как раз в том, что **«фронт» в переводе означает «в лоб», лицом к лицу.**

Фронт моих работ — в том, что **я стою лицом к лицу супротив всего, что творят эти русофобские...**» (выделено мною. — И. З.) [3].

Воспринимая русофобство как зло многоликое, образно говоря — как чудовище, подобное многоголовой лернейской гидре (убитой Гераклом при совершении его второго из двенадцати подвигов — подробнее см. об этом: [8, с. 230]), поэтесса в свои стихи вводит и ряд новообразований от номинации **ру-**

софоб — авторские окказионализмы, расширяющие границы данного словообразовательного гнезда и к тому же по определению обладающие особой экспрессивностью: **русофобусы** (по значению синонимично номинации **русофобы**); **русофобщина** (по значению синонимично слову **русофобство**), — при этом используя в произведениях для обозначения напроочь отвергаемого ею явления (во всех его формах и вариациях) элементы, уже имеющиеся в системе языка — как, например, имя прилагательное **русофобский**. **Контекстуальное осмысление** всех перечисленных лексических единиц — как языкового, так и речевого характера — **всегда** отличается в лирических произведениях Юнны Мориц особой оригинальностью, выявлением неожиданных связей взаимодействующих в тексте вербальных единиц, помещением в синтаксические конструкции, на первый взгляд, не особенно подходящие для наполняемого их материала, и т. п. Остановимся на более детальном рассмотрении лишь одного из этих новообразований, поскольку предлагаемый анализ в данном случае ограничен рамками отдельной статьи (что, конечно же, не исключает его продолжения в дальнейшем).

Все привлекаемые для анализа в настоящей статье поэтические произведения Юнны Мориц опубликованы в её авторском блоге под грифом «не для печати»; большинство из них написаны на самые что ни на есть актуальные темы — по поводам только что случившихся событий, в большинстве своём неприятных, часто — отчётливо направленных на унижение достоинства: и конкретной личности, и государства русских; а иногда — и явно трагических.

Один из образованных Юнной Мориц авторских неологизмов — **русофобщина** — не только объединяет в себе значения двух лексических единиц русского языка (**русофобия** и **русофобство**), но уже в своём автономном (вне контекста) употреблении обладает выраженной коннотацией негативного свойства. Эта коннотация в значительной степени формируется в результате присоединения к основе **русофоб-** суффикса **-щин(а)**, имена существительные с которым обозначают «бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение», обычно с оттенком неодобрения» [9, с. 177].

В 2018 году под грифом «Не для печати» в блоге поэтессы было опубликовано стихотворение «Вся Россия виновата, что не лезет в гроб живьём...», где трижды употреблённое слово

русофобщина (для стихотворения как *малого поэтического жанра* это, безусловно, значимо) в смысловом отношении является одним из ключевых компонентов произведения:

*Клевета, шантаж, подлоги —
Стиль, стилистика, приём,
Век высоких технологий,
Русофобщины подъём, —
Семь слогов пою в дороге:
Живы будем — не помрём!
**Русофобщина в разгаре —
Стиль, стилистика, приём,**
Нас вульгарно оболгали
Гитлерические твари!
Что в моём репертуаре?
Живы будем — не помрём!
Клевета, подлоги, травля —
Стиль, стилистика, приём,
**Русофобщина — как травма —
Корчит запад скрипалём!**
Семь слогов — и сгинь отравя:
Живы будем — не помрём!
Вся Россия виновата,
Что не лезет в гроб живъём,
Что она великовата,
Не годится для захвата, —
Эта песня навсегда:
Живы будем — не помрём!
(выделено мною. — И. З.) [12].*

Во всех случаях употребления номинация **русофобщина** присоединяет к уже имеющемуся у неё коннотативному содержанию дополнительные смысловые оттенки, которые формируются у неё в результате *контекстуального осмысления в системе метафор*, функционирующих в первой, второй и четвёртой строфах (о метафоре как тропе, в котором наиболее явно воплощается своеобразие поэтического речемышления Юнны Мориц, автору уже приходилось рассуждать в некоторых работах — см., например: [6; 7]).

Систему функционирующих в стихотворении метафор с компонентом **русофобщина**, можно, с нашей точки зрения, охарактеризовать как *градационная*, поскольку с каждым

очередным употреблением в ней наблюдается и наращивание содержащегося в тропах смысла, и усложнение тропеической структуры. В первом употреблении компонент **русофобщина** является частью достаточно традиционной бинарной метафоры: **русофобщины** *подъём*, — в составе которой усиливается степень обозначаемого этой номинацией явления. Во втором употреблении метафора с данным компонентом имеет более развёрнутый вид (формы проявления обозначенного явления в ней конкретизированы): **русофобщина** *в разгаре* — *стиль, стилистика, приём*, — что детализирует и, соответственно, *повышает действенность* заключённого в этом тропе образного смысла. Метафора же с данным компонентом в третьем употреблении (**русофобщина** *корчит запад скрипалём*) является частью *синкретичного тропа*, в котором сочетается со сравнением (**русофобщина** *как травма*), — где экспрессивность достигает наибольшей степени, чему, кроме авторской организации речевого материала, способствует *характер* элементов контекстуального окружения, среди которых: употреблённое в явно переносном значении имя существительное **травма** (в языковой системе единственное зафиксированное значение этой номинации — ‘повреждение органа, ткани в результате внешнего воздействия’, так что значение, реализуемое в тексте, носит *индивидуально-авторский* характер); *разговорный* глагол **корчить** (‘сводить корчами, судорогой’); имя собственное (фамилия **Скрипаль**), написанное в данном случае со строчной буквы, что, видимо, свидетельствует о широком распространении отмеченного явления в западном мире: это фамилия сбежавшего на запад бывшего офицера российской разведки, в отравлении которого обвинили Россию.

И, безусловно, повышению экспрессивности включённых в стихотворение метафор, подчёркиванию своеобразия содержащегося в них смысла способствует более широкий контекст — *весь поэтический текст*, в котором, во-первых, немало словесных средств с выраженной *оценочностью* и / или *образностью*; во-вторых, очевиден *оригинальный авторский подход* к организации используемого речевого материала (обе отмеченные особенности характерны для творчества поэтессы в принципе).

Это функционирующие в рассматриваемом произведении индивидуально-авторские неологизмы: помимо имени существительного **русофобщина**, имя прилагательное **гит-**

лирические (*твари*), образованное от имени собственного *Гитлер*; новообразование, частеречную принадлежность которого довольно непросто определить (видимо, это наречие либо несклоняемое прилагательное): (*песня*) **навсегда**.

Затем — включённая в **четыре** (из **шести**) строк русская поговорка: *Живы будем — не помрём!* (в соответствии со словарём народной фразеологии В. К. Белко «Жгучий глагол», это выражение является 'своеобразной тавтологией, подтверждающей уверенность в завтрашнем дне, способность разрешить возникающие проблемы' [1]). Данное выражение, помимо *градационного наращивания* содержащегося в выражении **позитивного** смысла — в результате четырёхкратного повтора и блестящего, с нашей точки зрения, индивидуально-авторского осмысления, — выполняет и *композиционную* функцию. При каждом употреблении выражение *Живы будем — не помрём!*, выражая *позицию лирического героя* (которая, без сомнения, в значительной степени совпадает с авторской), утверждает её как *личностную*, как своего рода заклинание, направленное на противостояние именно *русофобии*: *Семь слогов пою в дороге: / Живы будем — не помрём!; Что в моём репертуаре? / Живы будем — не помрём!; Семь слогов — и сгинь отравы: / Живы будем — не помрём!; Эта песня навсегда: / Живы будем — не помрём!*

Конечно же, особого — глубокого и разноаспектного — изучения заслуживает воплощение в стихотворении **образа России** — *ключевого* для этой лирической структуры: особая его значимость подчеркнута автором и вынесением в название, «сильную» для восприятия любого, художественного — тем более, текста позицию: «Вся **Россия** виновата, что не лезет в гроб живьём ...» (выделено мною. — И. З.). Однако анализу такого характера необходимо, как представляется, посвятить отдельную работу — как минимум статью, возможно, и цикл статей — с привлечением материала других произведений поэтессы, так или иначе перекликающихся с рассматриваемым (а таких произведений у поэтессы, как уже было сказано ранее, множество).

Новообразование поэтессы **русофобия** функционирует далеко не только в рассмотренном (безусловно — лишь фрагментарно) стихотворении; среди её произведений немало заслуживающих в этом плане безусловного исследовательского внимания; среди них — написанное в 2020 году стихотворение

«А русофобского майдана в России нет, его не жди...» и некоторые другие.

В заключение наших размышлений приведём стихотворение Юнны Мориц, которое она в одном из интервью прочитала журналисту Александр Гамову, представив это своё произведение как одно из «фронтовых»: стихотворение «Читая суть...». В сложившейся сегодня общественно-политической обстановке, когда на разных уровнях всё чаще заговаривают о возможности переговоров между Западом и Россией, это стихотворение видится особенно актуальным.

ЧИТАЯ СУТЬ

*Что значит — «готовность к переговорам»?
Это значит — «Сдавайся, Советский Союз!»
Он готов и сдаётся!.. Мотай на ус:
Потом раздаётся — «Сдавайся, рус!»
К таким чудесным переговорам
Готовы горбельцыны, дружным хором
Россию сдавая, как тяжкий груз!
А я — не готова и не сдаюсь,
Отчество я не сдаю, в котором —
Такую «готовность к переговорам»
Готова требовать **русофобщина**,
Американищина и европищина, —
А я — не готова и не сдаюсь,
А я никогда не буду готова
К «переговорам», чья суть — два слова,
Всего два слова: «Сдавайся, рус!»
На гитлерячьей была листовке
Такая «готовность к переговорам»,
В дни гитлерячьей бомбардировки
Она летала над тем простором,
Отчество я не сдаю в котором:
Оно — во мне, в глубине Вселенной,
В моей бессмертной душе нетленной,
Оно земным и небесным взором
Читает суть!.. И мотай на ус:
Что значит — «готовность к переговорам»?
Когда раздаётся — «Сдавайся, рус!»
(выделено мною. — И. З.) [12].*

В этом, чрезвычайно интересном для анализа во многих аспектах, стихотворении интересующий нас компонент функционирует в контекстуальном окружении, которое, как представляется, максимально ориентировано на экспликацию его образно-ценностного содержания: *Такую «готовность к переговорам» / Готова требовать русофобщина, / Американищина и европщина, — / А я — не готова и не сдаюсь, / А я никогда не буду готова / К «переговорам», чья суть — два слова, / Всего два слова: «Сдавайся, рус!».*

Для этой экспликации использована система словесных средств и способов организации речевого материала, наиболее выразительным из которых является выстраивание в однородный ряд **трёх** авторских окказионализмов, образованных по одной модели (основа + суффикс **-щин-(а)**, уже охарактеризованный ранее), которые к тому же функционируют в составе антропоморфной **метафоры**: *Такую «готовность к переговорам» готова требовать русофобщина, американщина и европщина.*

Организованный таким образом речевой материал, при этом, с одной стороны, искусно отобранный поэтом, с другой — дополненный авторскими новообразованиями, вне всякого сомнения, отличается особой действенностью, поскольку не только структурирует восприятие адресата — читателя / слушателя в заданном поэтом направлении, но и максимально способствует его «погружению» в авторскую концепцию, отразившую мировидение и мироощущение художника слова во всём их своеобразии.

Использованные источники

1. Белко В.К. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. — М.: Зеленый век, 2000. — 286 с. — Режим доступа: <https://coollib.in/b/262049-vladimir-kuzmich-belko-zhguchiy-glago-l-slovar-narodnoy-frazeologii/read> (Дата доступа: 21.07.2024).
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд. — Т. 24. Розница – Свериться. — М.-СПб.: Наука, 2017. — 671 с.
3. Великанова Юлия. Важнейшая часть жизни — поэзия. Юбилей русской поэтессы Юнны Петровны Мориц // Pechorin.net. 01.06.2022. [URL]. — Режим доступа: <https://pechorin.net/articles/view/vazhnieishaia-chast-zhizni-poezii-iubiliei-russkoi-poetiessyiunnyi-petrovny-morits> (Дата доступа: 25.07.2024).

4. Владимир Бондаренко о поэзии Юнны Мориц: «поэт Большого Стиля» // Авторский блог Владимир Бондаренко. — Режим доступа: <http://books.vremya.ru/main/3839-vladimir-bondarenko-o-poezii-yunny-moric-poet-bolshogo-stilya.html> (Дата доступа: 15.07.2024).

5. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. — М.: Дрофа, Русский язык, 2000. — Режим доступа: <https://efremova.slovaronline.com/articles/%D0%A0-%D0%A0%D0%A3/page-1> (Дата доступа: 15.07.2024).

6. Зайцева-а: Зайцева И.П. Метафора как воплощение семно-семемного типа поэтического речемышления в стихотворении Ю. Мориц // Учёные записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. — Т. 38. — С. 70–74.

7. Зайцева-б: Зайцева И.П. Своеобразие индивидуально-авторской метафоры в лирике Юнны Мориц // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка ВлГУ (Владимир, 26–28 сентября 2023 года). — Владимир: Транзит-ИКС, 2023. — С. 189–196.

8. Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. редактор С.А. Токарев. — М., 2008. — Режим доступа: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008 (Дата доступа: 23.07.2024).

9. Русская грамматика: в 2-х тт. — Том I. Фонетика Фонология Ударение Интонация Словообразование Морфология. — М.: Наука, 1980. — 788 с.

10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. — Т. XII. Р. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 1676 стб.

11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. — Т. 3. П – Ряшка. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. — 1424 стб.

12. Юнна Мориц. Авторский блог. — Режим доступа: <http://www.owl.ru/morits/> (Дата доступа: 23.07.2024).

13. Юнна Мориц: А я не готова к «переговорам», чья суть — два слова: «Сдавайся, рус!»: Интервью Александру Гамову от 21.10.2021 // KP.RU. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/28346/4492688/> (Дата доступа: 23.07.2024).